

**«ЛЮБИМЕЦ АФРОДИТЫ»: ОБРАЗ ДИКТАТОРА В
СТИХОТВОРЕНИЯХ В.Я. БРЮСОВА «СУЛЛА»**

Ключевые слова: *любимец Афродиты, Сулла, диктатор, античная история, «Властительные тени».*

История человечества знает немало имен государственных деятелей и прославленных полководцев, чьи деяния изменили привычный ход жизни народов и развития цивилизаций, способствовали возникновению новых политических и культурных феноменов и повлияли не только на современников, но и на далеких потомков. Проблема роли личности в истории всегда была в центре внимания не только историков и философов, но и поэтов, писателей, художников. Творцы Серебряного века пытались осмыслить социальные потрясения своего времени, неизменно обращаясь к событиям и процессам прошлого, прежде всего, духовно близкой им античности. Вполне объяснимым был их особый интерес к таким харизматичным правителям, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Юлиан Отступник и др. Прославленным властителям древности посвятил немало произведений мэтр русского символизма В. Брюсов. Тема сильной личности, бросающей вызов Судьбе, была, как известно, одной из главных в его творчестве. Можно вспомнить в этой связи стихотворения «Александр Великий» (1899), «Смерть Александра» (1900, 1911), «Юлий Цезарь» (1905) и другие.

События древнеримской истории времен поздней Республики, деяния прославленных полководцев и политиков, претендовавших на единоличную власть в самом могущественном на тот момент государстве дали мощный творческий импульс поэтическому гению В. Брюсова. Обращаясь к знакомым и любимым с юного возраста именам, он воскрешал эпоху гражданских войн, окончившуюся только с началом правления Октавиана Августа – первого римского императора. В данной работе речь пойдет о творческом восприятии В. Брюсова личности

диктатора Луция Корнелия Суллы (138-78 гг. до н.э.) – одной из ключевых фигур первого этапа противостояния в Риме I в. до н.э.

Интерес к биографии античного полководца поэт проявил еще в молодости. 22 апреля 1894 г. он оставляет в дневнике следующую запись: «Сулла принадлежал к числу тех же людей, как и я. Это талантливые люди *sans foi ni loi*, живущие в свое удовольствие. Очень, очень часто совершают они прекрасные поступки, но могут совершать и черт знает что. Суллу не раздражили упреки гражданина, ругавшего его после сложения диктатуры. Но Сулла нисколько не считал бы преступным казнить этого гражданина» [Брюсов 2002:32]. Известно, что в центре внимания В. Брюсова неизменно оказывались противоречивые фигуры прошлого, чей вклад в историю человечества нельзя оценить однозначно. Суллу в полной мере можно отнести к таким. Он был талантливым полководцем и беспринципным политиком, сумевший стать пожизненным диктатором, что для республиканского Рима было немыслимым. Будучи активнейшим участником и победителем первого этапа кровопролитных гражданских войн, Сулла сумел на несколько десятилетий установить в государстве относительный мир. Он оказывал покровительство одним и жестоко наказывал других сограждан, участвовал в военных походах и битвах с царями враждебных государств и предавался всевозможным порокам.

Наиболее полно и ярко образ римского правителя раскрывается в стихотворении «Сулла» (1912) из цикла «Властительные тени» (поэтический сборник «Зеркало теней», 1909-1912 гг.). Центральная тема произведения – власть и ее границы. Сулла действительно сумел сполна насладиться военными победами над иноземными народами и своим безграничным господством над соотечественниками. Подобно Плутарху, В. Брюсов взвешивает деяния диктатора на весах истории. При детальном анализе стихотворения становится очевидным, что отрицательных характеристик В. Брюсов дает своему герою больше, чем положительных. Поэт перечисляет основные свершения Суллы в гражданской и военной сферах, акцентирует внимание на его человеческих качествах:

Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний вздох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех земных эпох! <...>

[Брюсов т. II:75]

Сулла с одной стороны – ценитель роскоши и знаток искусства, с другой – разоритель греческих святынь. Вряд ли можно с высоты XXI столетия целиком и полностью согласиться с брюсовской характеристикой эпохи конца II-начала I в. до н.э. как «самой низменной» в истории человечества. Однако это был действительно во многом переломный этап античной истории. Именно тогда на римской политической сцене появляются амбициозные полководцы, опирающиеся на лично преданное им войско. Закон подменяется правом сильного, армия становится инструментом давления при разрешении гражданских конфликтов. Популизм и манипуляция народными массами путем бесплатных раздач хлеба и организации кровавых зрелищ явились наиболее характерными чертами общественной жизни позднереспубликанского Рима.

В. Брюсов, руководствуясь текстом Плутарха, в поэтической форме воспроизводит смысл надписи на надгробном памятнике Суллы:

<...> И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столько блага
И столько зла – врагам!» <...>

[там же]

Сказанное полностью отражает действительность, ибо известен целый ряд видных римских полководцев и политиков, возвысившихся и разбогатевших при Сулле: Лукулл, Помпей, Красс. Последний сколотил огромное состояние и позднее добивался с его помощью высших государственных должностей, так что вполне может считаться классическим примером олигарха. Иным было отношение Суллы к оппонентам или просто заподозренным в нелояльности. Он, пожалуй, первым поставил политические репрессии на поток: при нем появляются печально

известные проскрипции – списки лиц, подлежащих физическому уничтожению. Имущество жертв конфисковывалось и плавно перетекало в карманы доносчиков и приближенных Суллы. Именно таким образом обогатились многие сторонники диктатора или просто склонные к порокам граждане, существующие в любом обществе и не упускающие возможности поживиться на чужой беде. Нормой жизни стали доносы, в том числе – рабов на своих хозяев. По сути, никто в Риме, за редким исключением, не был застрахован от гнева и мести диктатора и алчности его приближенных. Плутарх подробно останавливается на кровавых расправах сулланцев и описывает атмосферу ужаса, царившую повсеместно: «Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого – сад, а иного – теплые воды. Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он страдает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: “Горе мне! За мною гонится мое альбанское имение”. Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его» [Плутарх т. II:72].

Победы в войнах и успехи на любовном фронте, ликвидация политических противников-марианцев (сторонников его главного врага и конкурента в борьбе за власть), безнаказанность и неподотчетность никаким институтам Республики, разнузданный образ жизни, стремление окружить себя льстецами – все эти стороны жизни и черты характера своего героя В. Брюсов раскрыл в одном четверостишии:

<...> Ты был велик и в мести и в разврате,
Ты счастлив был в любви и на войне,
Ты перешел все грани вероятий,
Вином земных блаженств упился ты вполне. <...>

[Брюсов т. II:75]

Сулла искренне верил, что своими победами он обязан покровительству богов в не меньшей, а может и в большей степени, чем своим личным качествам. Подчеркивая свою религиозность и связь с высшими силами, полководец добавил к своему имени два прозвища, ставших, фактически, частью его имени: Эпафродит, то есть «любимец Афродиты», и Felix – «счастливый».

Однако последнюю в своей жизни победу Сулла одержал не на поле сражения и не в сенате, с властью которого он особо не считался, хотя и позиционировал себя защитником интересов и традиций Республики и оптиматов (наиболее знатных и родовитых граждан Рима). Речь идет, скорее, о своеобразной победе над собой, собственными безграничными амбициями. Достигнув вершины политического Олимпа, покорив иноземных царей, уничтожив внутренних врагов, посеяв ужас в сердцах соотечественников, пресытившись властью Сулла решил «даровать» согражданам свободу, добровольно отказавшись от всех занимаемых постов.

<...> И выразил себя, когда, царя над Римом,
Не зная, где предел твоих безмерных сил, –
С презрением невыразимым
Народу ты свободу возвратил!

[Брюсов т. II:75]

По словам Плутарха, «<...> настолько вера Суллы в свое счастье превосходила веру его в свое дело, что после того, как такое множество людей было им перебито, после того, как в городе произошли такие перемены и преобразования, он сложил с себя власть и предоставил народу распоряжаться консульскими выборами, а сам не принял в них участия, но присутствовал на форуме как частное лицо, показывая свою готовность дать отчет любому, кто захочет» [Плутарх 1987:74]. Современные биографы древнеримского диктатора А. Короленков и Е. Смыков справедливо считают его отказ от власти «еще одним спектаклем, пусть и не столь ярким, но не менее впечатляющим и к тому же куда более загадочным для многих современников и потомков. В нем черты характера Суллы отразились едва ли не сильнее, чем во

всех прочих его поступках. Здесь было все – и эпатаж, и актерское мастерство, и полная уверенность в себе, и основанный на ней цинизм. Что могло быть удивительнее – отказаться от того, чего добился такими трудами? Вот в чем истинное величие! То, что “отставка” оказалась во многом условной, поняли не все и не сразу, а великолепно поставленная и сыгранная сцена осталась в памяти навсегда. <...> Как великий актер, он удалился со сцены вовремя и красиво, да еще и сумел при том на ней остаться» [Короленков, Смыков:356-357].

Спустя всего год Сулла умер. Но до конца своих дней, даже будучи частным лицом, он продолжал оставаться главным и единственным арбитром во всех делах Республики. Пожалуй, Суллу первым среди римских политиков можно было бы назвать диктатором в современном смысле слова (изначально – это должностное лицо в римском государстве, которое назначалось на ограниченное время в условиях чрезвычайных для Республики обстоятельств). По словам Плутарха, «Сулла, раз только поставленный над войском, десять лет подряд не выпускал из рук оружия, назначая себя то консулом, то проконсулом, то диктатором и всегда оставаясь тираном» [Плутарх 1987:79]. Следует отметить, что сам В. Брюсов был противником любых форм политической тирании. Интересно, что в стихотворении «Юлий Цезарь» (1905 г.) поэт, обращаясь к личности другого древнеримского полководца и пожизненного диктатора, не только не считает его тираном, а наоборот – защитником римских свобод от смут, анархии и кровопролития. Только в работе «Октябрь 1917 года» (1920 г.) в результате трансформации социально-политических представлений В. Брюсова Цезарь из спасителя отечества превратился в его поработителя.

Стоит отметить, что никто из исторических персонажей, представленных в поэтическом цикле «Властительные тени», кроме Суллы, не сделал обладание неограниченной властью самоцелью. В. Брюсов ничего не говорит об исторической миссии диктатора, хотя многие герои его произведений являются носителями таковой. Сулла просто жил в свое удовольствие, как отметил в дневнике молодой поэт. Он «брал от жизни все», если

использовать терминологию современного потребительского общества.

Известно, что одной из главных античных добродетелей считалась умеренность. Однако, по словам Плутарха, «желания Суллы не умерялись ни бедностью в юности, ни возрастом в старости, и, как говорит Саллюстий, он, вводя для сограждан законы о браке и умеренности, сам предавался сластолюбию и распутству» [Плутарх 1987:79]. Убедившись, что пределов его власти не существует, «перейдя все грани вероятий», баловень Судьбы Сулла добровольно ушел с вершины политического Олимпа.

В свете проанализированного стихотворения возникает вопрос: как следует понимать дневниковую запись молодого В. Брюсова, приведенную в начале настоящей статьи? Очевидно, русский поэт восхищался не конкретными личными качествами римского диктатора (среди которых – беспощадность к врагам, мстительность, жестокость, презрение к людям, недостойный настоящего гражданина образ жизни), а скорее его «счастливым», насыщенным победами, находившимся, как верил сам полководец, под покровительством Афродиты, жизненным путем. Молодой В. Брюсов, как уже упоминалось, тоже чувствовал некую избранность, призвание повелевать и руководить людьми (прежде всего, из своего литературного окружения). Неслучайно ряд коллег и знакомых поэта отмечали особенности его манеры общения, зачастую приводившей собеседника в замешательство.

Вот его весьма показательная и широко известная дневниковая запись от 4 марта 1893 г. «...Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!» [Брюсов 2002:28].

В жизненном пути и чертах характера В. Брюсова и героя его стихотворения действительно можно обнаружить некоторое сходство. Оба умели ставить перед собой амбициозные цели и

последовательно добиваться задуманного. Оба хотели властвовать: один – на политическом Олимпе позднереспубликанского Рима, другой – на литературном Парнасе своего времени, и оба реализовали свои стремления. Обладая лидерскими качествами, они были способны увлекать за собой людей и подчинять их своей воле. Наконец, вера в свое предназначение, счастливую звезду также сближает поэта и его литературного героя. При всей нелицеприятной в целом характеристике В. Брюсовым римского политика последний интересен ему именно как противоречивое воплощение жизненного успеха. Юношеский восторг поэта перед личностью всесильного диктатора со временем сменился глубоким анализом исторических деяний последнего.

И в заключение: В. Брюсов, неизменно откликавшийся в своих исторических произведениях на события современности, на этот раз оказался в каком-то смысле пророком. Конечно, поэт никак не мог в 1912 году предвидеть массовые политические репрессии, произошедшие в СССР годы спустя. Однако обращение к личности одного из основоположников такого рода жестокой практики само по себе глубоко символично и выглядит с высоты дня сегодняшнего провидчески.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002.
2. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т. II. М., 1973.
3. Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М., 2007.
4. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. II. М., 1987.

MAXIM POKACHALOV – «APHRODITE'S FAVOURITE» AS A DICTATOR'S IMAGE IN «SULLA», A VERSE BY V. BRUSOV

The paper views the peculiarities of V. Brusov's creative perception of the personality of Sulla, the ancient Roman dictator. On the material of the correspondent poem the author analyzes the character traits and features of policy pursued by Sulla. The paper substantiates the poet's research interest to the hero and his historical doings.